

**РОЛЬ ГАУ НКВД В ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНОЙ РАБОТЫ В АРХИВАХ СИБИРИ
В 1938 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1941 ГОДА**

1938 г. является одним из рубежей в истории архивных учреждений как России в целом, так и Сибири в частности. В соответствии с правительственными постановлениями архивные органы и государственные архивы в 1938 г. были переданы из непосредственного подчинения президиумам исполнительных комитетов советов в ведение Народного комиссариата внутренних дел. Произошедшие в 1938 г. в архивной отрасли административные изменения были отражением эволюции политической системы и общественных отношений в советской России. Как неоднократно отмечалось в исследовательской литературе, в связи с формированием тоталитаризма и массовыми репрессиями на протяжении 1930-х гг. увеличивался поток запросов в архивы со стороны репрессивных органов, в результате чего среди всего объема ретроспективной информации, аккумулируемой в архивных документах, наиболее востребованной оказалась информация, имевшая оперативное значение для следственных органов. Именно это обстоятельство обусловило перемену в статусе архивных учреждений, которые были преобразованы в отделы государственных репрессивных органов. Между тем, несмотря на тотальный кадровый контроль, ужесточение внутреннего распорядка и режима секретности, период функционирования архивных учреждений в системе НКВД – МВД был неоднозначным периодом. За все время существования государственных архивов в системе НКВД прослеживается настойчивое стремление руководителей архивной службы придать их деятельности научно-исследовательский характер.

В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 3 мая 1932 г. и распоряжением Госплана РСФСР от 29 сентября 1932 г. «О сети научно-исследовательских учреждений» в число научно-исследовательских учреждений республиканского подчинения по ведомствам РСФСР входили Центральное архивное управление и 8 подведомственных ему центральных государственных архивов: Архив Октябрьской революции, Архив Красной армии, Архив революции и внешней политики, Архив народного хозяйства, Межевой архив, Архив феодально-

крепостнической эпохи, Военно-исторический архив и Ленинградское отделение Центрального исторического архива. После передачи архивных органов и государственных архивов в ведение НКВД СССР в 1938 г. и реорганизации архивной сети по постановлению СНК СССР от 29 марта 1941 г. ни один из государственных архивов как союзного, республиканского, так и местного значения не был включен в сеть научно-исследовательских учреждений СССР¹. Однако, несмотря на отсутствие официального научного статуса и политизацию деятельности архивных учреждений, в служебных документах Главного архивного управления НКВД СССР, хотя и в специфической форме, характерной для тоталитарного периода, подчеркивалась необходимость развития именно научного аспекта архивоведения.

Основными проводниками идеи реализации научного потенциала архивоведения были специалисты научно-издательского отдела ГАУ НКВД СССР. Именно издательская работа поначалу была единственно возможной сферой деятельности архивистов, где было допустимо ставить вопрос о реализации научного подхода. Уже в циркулярном письме и.о. начальника научно-издательского отдела ГАУ НКВД СССР Чибрякова от 7 июня 1939 г., адресованном начальникам архивных отделов НКВД республик и УНКВД краев и областей, отмечалось, что научно-издательская работа архивных органов до этого времени в большинстве своем проводилась «кустарными методами». Главный акцент делался на необходимость планирования публикаторской деятельности. «Ненаучным» и «кустарным» считалось отсутствие единого плана по изданию архивных материалов. В циркуляре в свойственной сталинскому репрессивному периоду форме отмечалось: «Архивные органы тематику публикаций выбирали по своему собственному усмотрению, в результате чего часто публиковались не только ненужные, но иногда и вредные документы. Благодаря отсутствию необходимого контроля со стороны архивных органов делами издания ар-

¹ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 1214. Л. 63.

живных документов, враги народа использовали архивные материалы для целей их антисоветской и подрывной деятельности»². Очевидно, что данное утверждение не имело ни малейшего отношения к науке, принципам научного мышления и характеру научной работы. Главная ценность циркуляра заключалась в том, что он завершался призывом привлекать к разработке, обсуждению и выполнению планов научно-издательской деятельности архивных учреждений не только научных сотрудников архивов, но и сотрудников Академии наук, научно-исследовательских институтов, издательств и др.³ Это был принципиально новый подход к организации планирования научно-издательской работы архивов. Такого рода практика тесного сотрудничества архивистов с научной общественностью не была распространена в предшествующий период. Напротив, в 1920–1930-е гг. предпринимались целенаправленные усилия обособить деятельность архивных органов от научных учреждений и общественных организаций. Если в центральных архивах вопреки доминирующей административной линии и благодаря инерции традиционности можно было видеть элементы научного сотрудничества архивистов с учеными, то работа региональных архивов протекала полностью автономно.

В 1940 г. Главное архивное управление НКВД СССР поставило задачу изучить и обобщить практику публикации архивных документов и постановки научной работы на местах. Для этого был предпринят сбор информации о работах, опубликованных подотчетными региональными архивными отделами, центральными государственными архивами и Историко-архивным институтом. Архивные учреждения страны обязывались присылать в адрес научно-издательского отдела ГАУ по восемь экземпляров выпускаемых ими или при их участии изданий⁴.

В ноябре 1940 г. в развитие основных положений циркулярного письма от 7 июня 1939 г. было составлено два документа. Первый был подписан начальником ГАУ НКВД СССР майором государственной безопасности И. И. Никитинским и начальником научно-издательского отдела ГАУ Марковым 1 ноября 1940 г. В нем обращалось внимание на появление в печати «недостаточно доброкачественной информации о так называемых вновь найденных документах». В целях установления должного контроля за качеством информации директорам архивов предлагалось ставить в известность научно-издательский отдел ГАУ

обо всех фактах обнаружения новых материалов. В документе подчеркивалось, что все сообщения представителей газет, ТАСС и других организаций, основанные на архивных документах, должны были производиться с ведением и согласия научно-издательского отдела ГАУ НКВД СССР⁵.

Другой документ – циркуляр ГАУ НКВД СССР «О состоянии и задачах научно-издательской работы архивных органов НКВД», был составлен Марковым и утвержден И. И. Никитинским 2 ноября 1940 г. Весьма ценным было то, что в соответствии с данным циркуляром приоритет в научно-издательской деятельности архивных органов должен был отдаваться публикации архивных документов – первоисточников. В циркуляре отмечался положительный опыт архивных отделов УНКВД Иркутской и Омской областей, которые сумели «правильно организовать работу по изданию документов, имеющих большое научно-историческое значение»⁶. В качестве негативного примера приводилась ситуация в архивном отделе УНКВД Куйбышевской области, в котором вся научная работа была построена на издании брошюр-очерков вместо подготовки к печати самих документов. Как говорилось в циркуляре, этим был «сужен объем документальных сведений, поступающих в научный оборот, могущих быть использованными широким кругом исследователей»⁷.

В этом же циркуляре была сформулирована мысль о необходимости возобновления в архивных учреждениях научной работы как таковой. Руководство архивной службы высказало обеспокоенность тем, что в ряде архивных отделов «научная работа вообще и работа по изданию документов в частности оказалась в загоне»⁸. Циркуляр обязал местные архивные отделы принять необходимые меры к улучшению научно-издательской работы в государственных архивах путем подготовки к печати сборников документов, путеводителей по государственным архивам и использования газетной прессы как для опубликования самих документов, так и в целях «популяризации документальных богатств государственных архивов». В случае если у архивных отделов для выполнения планов научной работы не было достаточного количества своих научных работников, рекомендовалось привлекать на договорных началах научных работников других учреждений⁹.

⁵ Там же. Л. 38.

⁶ Там же. Л. 55.

⁷ Там же. Л. 55 об.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 56.

² ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 334. Л. 42.

³ Там же. Л. 43.

⁴ Там же. Л. 73.

Вопрос о договорных отношениях был не периферийным в деле постановки научной работы в архивах. В соответствии с циркуляром ГАУ НКВД СССР от 17 июля 1940 г. деятельность научных сотрудников государственных архивов в урочное время без особой доплаты состояла исключительно в выявлении документальных материалов. Вся остальная работа – систематизация документов, археографическая обработка, составление справочного аппарата, написание исторического и археографического комментариев – должна была выполняться во внеурочное время и оплачиваться из средств, получаемых архивным органом от издательств¹⁰. Исходя из данного распоряжения штатным сотрудникам государственных архивов практически запрещалось заниматься научной работой.

Таким образом, возникала парадоксальная ситуация, когда одним циркуляром требовалось увеличить объем и качество научной работы в архивах, а другим – эта работа фактически сводилась на нет. По всей вероятности, причиной возникновения данной коллизии была реальная ситуация в региональных архивах, характеризовавшаяся отсутствием надлежащих научных кадров. Возможно, осознавая корень проблемы, руководство архивной службы осторожно создавало условия для формирования научной атмосферы в государственных архивах путем привлечения квалифицированных специалистов и установления более тесных контактов архивистов с академическими учреждениями.

В 1941 г. было отмечено, что в большинстве государственных архивов близится к концу работа по упорядочению архивных материалов. Данное обстоятельство дало руководителям научно-издательского отдела ГАУ основание утверждать, что архивы теперь «имеют возможность приступить к более организованной и планомерной работе по популяризации документальных богатств»¹¹. Популяризация архивных документов на страницах центральной и местной печати считалась делом большой политической важности. Хотя эта форма работы с архивными материалами не является в строгом смысле научной работой, тем не менее определенный вклад в формирование условий для научного осмысления хранящихся в архивах документов она вносила. В апреле 1941 г. отмечалось, что «до последнего времени данный вид архивной работы стоял не на должной высоте», а «появлявшиеся изредка в печати сообщения [...] о вновь найденных документах носили случайный характер и ни в коей мере не могли удовлетворить возросшего интереса советской

общественности к прошлому своей родины»¹². Теперь работники государственных архивов должны были заранее выявлять и брать на учет все документы, могущие представлять интерес для печати. Наибольшее значение имел материал по вопросам истории революционного движения, гражданской войны, русского военного искусства и техники, положения трудящихся России и национальных окраин, жизни и деятельности вождя партии и руководителей правительства, культуры, быта, литературы и искусства, важных юбилейных дат. Причем задача архивистов заключалась не в том, чтобы как можно быстрее обнародовать найденные документы, а в том, чтобы выявить, взять на учет и по первому требованию лиц, имеющих на это полномочия, предоставить исчерпывающую информацию. Контроль за информацией, предоставляемой представителям газет, телевидения и радио, возлагался в регионах на начальников архивных отделов УНКВД, а в Москве – на начальника научно-издательского отдела ГАУ НКВД СССР. В определенном смысле такой подход потенциально ориентировал архивистов на долговременную кропотливую работу с источниками, на глубокий эвристический поиск и формирование широкой эмпирической базы для будущих исторических исследований. Однако в условиях тоталитарного государства, идеологизации и политизации общественной жизни, доминирования административно-командных методов управления эта работа превращалась в кампанейщину и утрачивала свой внутренний научный смысл, оставаясь на поверхностном идеологическом уровне.

В мае 1941 г. в г. Иркутске состоялось совещание начальников архивных отделов УНКВД восточных областей Советского Союза. Главное архивное управление на этом совещании представлял Чибряков, являвшийся в это время заместителем начальника ГАУ НКВД СССР. Материалы совещания дают представление о постановке научной работы в архивах восточного региона на рубеже 1930–1940-х гг. Для руководителей архивных органов Сибири было характерно непонимание специфики научной работы, что находило отражение как в использовавшихся ими терминах, так и в постановке этого вида работ. В выступлениях участников совещания доминировало смешение понятий «научно-методическая», «научно-издательская» и «научно-исследовательская» деятельность, употребление слова «научный» не было в должной степени осмыслено и ассоциировалось у них с любой работой по популяризации архивных документов.

Например, начальник архивного отдела УНКВД Читинской области употреблял выра-

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 334. Л. 40 – 41 об.

¹¹ Там же. Л. 32.

¹² Там же.

жение «научно-методическая работа», подразумеваемая под ней публикацию в прессе небольших заметок на основе главным образом уже опубликованного в периодической печати материала. Начальник архивного отдела УНКВД Амурской области фактически ставил знак равенства между научной работой и работой по заданиям оперативно-следственных органов. Начальник архивного отдела УНКВД Иркутской области употребил выражение «исследовательско-издательская работа».

Представление руководства ГАУ НКВД СССР о научной работе архивных учреждений было сформулировано заместителем начальника ГАУ в заключительном слове на Иркутском совещании. Подчеркнув значимость научной работы архивистов, Чибряков отметил, что она действительно должна заключаться в популяризации архивных документов. Вместе с тем в этом выступлении отразилось намерение руководства ГАУ вовлечь в научную работу архивов больший круг людей и повысить ее качество путем организации общения архивистов с профессорами и преподавателями местных образовательных учреждений. Представитель ГАУ говорил о необходимости научным сотрудникам архивных органов делать научные доклады среди профессорско-преподавательского состава местных университетов и институтов. В то же время в выступлении заместителя руководителя архивной службы отразилось свойственное сталинскому периоду стремление повысить производительность труда за счет увеличения продолжительности рабочего времени. Нельзя позитивно охарактеризовать указание об увеличении рабочей нагрузки на научных сотрудников архивных учреждений. Трудно согласиться с утверждением о том, что работа научных сотрудников сверх 8 часов будет способствовать их профессиональному росту¹³. Научно-исследовательская работа относится, безусловно, к разряду творческой, и рабочий день ученых, как правило, не нормирован, однако попытка жесткими административными мерами регламентировать не только служебное, но и личное время научных сотрудников не могла способствовать формированию творческой атмосферы в архивах.

Публикации сибирских архивистов имели скорее компилятивный и иллюстративный, нежели научный характер. Зачастую архивисты даже не использовали документы собственных архивов, ограничиваясь переработкой предшествующих публикаций. Тематика и содержание публикаций не отличались оригинальностью и, за редким исключением, имели типично идеологический характер. Такая ситуация диктовалась и руководством архивной службы, абсо-

лютно зависимым от решений высшего политического руководства страны в области формирования государственной идеологии. Например, при определении конкретных заданий, которые архивные учреждения должны были выполнить в 1941 г. в рамках научной работы, основным на Иркутском совещании было названо издание документов к 25-летию юбилею Великой Октябрьской социалистической революции. Иркутские архивисты должны были искать материалы о восстании политических заключенных Александровского центра, Иркутской политической ссылке в дореволюционный период, о гражданской войне в Сибири. Красноярскому краевому архиву было дано указание сосредоточиться на выявлении источников о революции 1905 г. Архивистам Приморского края рекомендовалось подготовить сборник «Победа социалистической революции и утверждение советской власти на Дальнем Востоке»¹⁴.

Главным объективным препятствием для постановки научной работы в архивах было характерное для Сибири отсутствие квалифицированных специалистов. Из-за отсутствия квалифицированных работников не могли проводиться научные исследования в архивах Хакасской автономной области. В Читинской области научный работник архивного отдела являлся журналистом по профессии. Архивная сеть Красноярского края 6 марта 1941 г. лишилась единственного научного работника, также не имевшего специального образования, по причине его ареста. В Красноярском крае недостаток специалистов сказывался даже на руководящем составе архивных учреждений: среди директоров исторических архивов Красноярского края не было ни одного человека, имевшего хотя бы законченное среднее образование.

Вместе с тем работать научным сотрудником в системе НКВД как по причине специфики системы НКВД, так и из-за предубежденного отношения к неординарным людям в условиях господства тоталитарного мышления, было не просто. Это видно на примере иркутского архивиста Ф. А. Кудрявцева. Его деятельность — один из немногих примеров достаточно длительного участия профессионального историка в научной работе архивных органов Сибири. Ф. А. Кудрявцев пользовался значительным авторитетом среди сибиряков и поддержкой руководителей Главного архивного управления. Между тем начальник архивного отдела УНКВД Иркутской области весьма пренебрежительно отзывался о нем на совещании, характеризуя его как «доморощенного» научного работника в связи с тем, что «института архивоведения он не кончал, а достиг [результатов]

¹³ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 334. Л. 111.

¹⁴ Там же. Д. 861. Л. 113, 156–160.

практическим путем». Напротив, представительница Хабаровского областного архива Соколова с большим уважением высказывалась о Ф. А. Кудрявцеве: «Наличие тов. Кудрявцева в Иркутском архиве исключительно в области большой плодотворной исследовательской работы, но сотрудники его не используют. А что может случиться: заберут т. Кудрявцева, предположим, в университет, кто его заменит [?] Некому». Соколова отметила большую роль Кудрявцева в формировании у нее навыков научно-исследовательской работы: «...т. Кудрявцев является большой величиной. Мы с ним [об] исследовательской и научно-издательской работе [...] в Иркутске много разговаривали, и в своих беседах с нами он подчеркивал, что в научно-исследовательской работе не начинайте с большого, а начинайте с маленького...»¹⁵ Соколова предложила устраивать встречи таких опытных архивистов-исследователей, как Ф. А. Кудрявцев, с начинающими работниками: «Личное соприкосновение, личная беседа, личная встреча очень обогащают, дают возможность роста, и таким образом будешь не только архивистом-методистом, но сможешь осуществлять научно-исследовательскую работу и в отдаленной области, в отдаленном крае»¹⁶. Архивистам Сибири не хватало научного общения. В связи с этим ценным, нашедшим поддержку у представителя ГАУ, было предложение Соколовой организовывать «кустовые» совещания научных работников, на которых ставилась задача обсуждать методические вопросы и проблемы организации научно-исследовательской работы в архивных учреждениях отдельного региона.

Другое препятствие для постановки научной работы заключалось в неупорядоченности материалов в сибирских архивах. Удаленность сибирской провинции от Центра, специфические особенности исторического развития Сибири обуславливали ее объективное отставание по многим показателям социокультурного развития, в числе которых было и архивное дело. В частности, на предложение Чибрякова начальнику архивного отдела УНКВД Красноярского края, являвшемуся выпускником Историко-архивного института, самому заниматься научной работой, сотрудничать с журналами «Красный архив» и «Архивное дело», как это делали, например, директора Ростовского и Ленинградского архивов, был получен ответ, что между Ростовским и Ленинградским архивами, с одной стороны, и Красноярским – с другой, есть большая разница: «Если там материалы приведены в порядок, то у нас они находятся в хаотическом состоянии, и чтобы привести их в соответствие с минимальными требованиями

нужно 2–3 года. Мне кажется, что сначала надо привести архивы в порядок, упорядочить работу, а потом уже заниматься научной работой»¹⁷.

Третья причина, названная участниками Иркутского совещания в качестве препятствия для проведения научной работы, была связана с перемещением из периферийных в центральные архивохранилища актуальных в политическом отношении архивных документов. Например, начальник архивного отдела УНКВД Амурской области отсутствие научной работы в архиве объяснял тем, что «лучшие материалы оперативно-чекистского значения для научной работы были направлены, главным образом, в Томск»¹⁸. «Отсутствие отдельных документов, касающихся важных вопросов, которые находятся в Москве, Омске и Томске, – отмечал он, – тормозит, затягивает исследовательскую работу в Амурской области». Он полагал, что возвращение этих документов обратно «обогатит научную работу в области»¹⁹.

Между тем данный подход отражал уровень мышления многих руководителей архивных органов, которые не видели разницы между научной, агитационно-пропагандистской и оперативно-справочной работой. Трудно представить, что в архивах Амурской области после, безусловно, варварского вывоза «актуальных» документов не осталось других источников, могущих представлять научный интерес. Данная ситуация была отражением сверхполитизации общества, характерной для государств тоталитарного типа, следствием которой была идеологизация всей гуманитарной сферы, трудно совместимая с принципами научного мышления.

Относительно благополучным было положение архивных органов Алтайского края. По сведениям начальника архивного отдела УНКВД Алтайского края, научно-исследовательская работа алтайских архивистов заключалась в подготовке публикаций по темам «Революционное движение в Алтайском крае за период 1861–1919 гг.» и «Крестьянские волнения в Алтайском крае в период 1905–1907 гг.». Работа над этими изданиями велась достаточно основательно. Для сбора дополнительного материала по первой теме научный сотрудник архивного отдела выезжал в длительную (на 1,5 месяца) командировку в Томск, носившую, как отмечал руководитель архивного органа, «исключительно научный характер». Кроме архивистов, в работе над этой темой участвовали научные сотрудники других учреждений и партийного архива Алтайского края. Над темой «Крестьянские волнения в Алтайском округе»

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 861. Л. 83.

¹⁶ Там же. Л. 84–85.

¹⁷ Там же. Л. 65.

¹⁸ Там же. Л. 88.

¹⁹ Там же. Л. 91.

занимался один научный сотрудник архивного отдела. Это было обусловлено концентрацией необходимых источников, а именно материалов начальников Алтайского горного управления, Колыванского, Воскресенского горного начальства и др., в Барнауле²⁰. В данном случае налицо зачатки научного подхода, выразившиеся в формулировке тем исследования, планировании, организации и обосновании методики выполнения работы.

Итоги иркутского совещания были зафиксированы в резолюции, выработанной на последнем заседании. В резолюции сформулировано обращение к Главному архивному управлению, в котором содержалась просьба обеспечить укомплектование штатов государственных архивов Сибири научными сотрудниками из числа выпускников Историко-архивного института, увеличить количество слушателей центральных курсов путем предоставления большего числа мест для работников госархивов Сибири, провести в текущем году совещание научных сотрудников госархивов с целью их инструктирования и обмена опытом работы²¹.

Указания Главного архивного управления НКВД СССР об усилении научной работы в архивах не прошли бесследно для архивных учреждений Омской области. В 1941 г. вместо должности инспектора в штат отдела государственных архивов Омской области была введена должность научного сотрудника, при отделе государственных архивов организована научная группа. В первой половине 1941 г. активно работал читальный зал, созданный при Государственном архиве Омской области, значительно расширилась и начала качественно меняться тематика исследований. Посетители читального зала занимались традиционными темами: «История революционного движения в Сибири и

Гражданская война», «История возникновения советов в Омске», а также «О крепостном праве в Сибири. Экономика крепостной эпохи», «Землепользование Сибири до Октябрьской социалистической революции», «Основные моменты исторической географии Сибири и Дальнего Востока в связи с заселением ее и административно-территориальным делением», «Переселенческая политика царского правительства», «История сибирского казачества», «История здравоохранения Омской области». Архивисты Тобольского филиала Омского областного архива подготовили 5 справок научного характера: по запросам Государственного музея Н. Г. Чернышевского в Москве, редакции журнала «Красный архив», редакции газеты «Правда» о пребывании Н. Г. Чернышевского в Тобольске, по запросу ГАУ НКВД СССР о пребывании в Тобольске Ф. М. Достоевского, по запросу Ленинградского государственного педагогического института о семье тобольского ямщика Черепанова, по запросам других учреждений о Ямальской экспедиции и о материалах по проектированию и изысканию железнодорожных линий в пределах Тобольского округа²².

Таким образом, несмотря на утрату официального научного статуса и жесткие условия функционирования в системе силового наркомата, в 1938 – первой половине 1941 г. руководителями архивной службы предпринимались меры по организации научной работы в региональных архивах. Специалисты Главного архивного управления стремились создать определенные условия для формирования научной атмосферы в сибирских архивных учреждениях и привития архивистам Сибири основ научной культуры.

Материал поступил в редколлегию 01.11.2006

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 861. Л. 31.

²¹ Там же. Л. 119.

²² ГАОО. Ф. Р-261. Оп. 1. Д. 308. Л. 7.